

Современный китайский роман: Хань Шаогун, Цзя Пинва, Лю Чжэньюнь

■ А. КОРОБОВА (Институт Дальнего Востока РАН)

По данным, приводимым на конференции «Китайский роман нового века» (Хайнань, декабрь 2012 г.) в Китае ежегодно издается около 4000 романов. Подавляющее большинство (даже бестселлеры) неизвестны русскому читателю: небольшие по тиражу и объему переводы современной китайской литературы в основном представлены повестями и рассказами. Сориентироваться в этом литературном море непросто даже специалисту. Некоторым указателем могут служить литературные премии – неслучайно всплеск интереса к китайской литературе возник после присуждения в 2012 г. Нобелевской премии Мо Яню.

В последние годы многие яркие представители современной китайской прозы написали романы, которые, будь они переведены, несомненно, вызвали бы интерес у российского читателя. Остановимся на наиболее значимых фигурах: кроме Мо Яня, это Хань Шаогун, Цзя Пинва, Лю Чжэньюнь.

Хань Шаогун

Хань Шаогун (р. 1953 г., г. Чанша), представитель литературного течения «поиска корней» и один из самых переводимых за рубежом китайских писателей, был одним из первых авторов, открывших в середине 1980-х гг. модернистскую страницу современной китайской прозы.

Юность Хань Шаогуну пришлась на сложное для Китая время – школу пришлось оставить в связи с началом «культурной революции», в 1968 г. он, как и многие другие представители молодежи, был направлен в производственную бригаду в глухую деревню провинции Хунань. Десять лет спустя, в 1978 г., он поступил в Хунаньский педагогический институт, закончив который работал редактором. Печататься начал еще будучи студентом, причем ранние рассказы относятся к «литературе шрамов» и к пришедшей ей на смену «литературе дум о прошедшем» – магистральным течениям в китайской литературе с 1978 г. до середины 1980-

х гг. (Фактически именно с «литературы шрамов», возникшей после окончания «культурной революции» и ознаменовавшей возрождение литературного процесса после десятилетия безмолвия, принято вести отсчет начала китайской «литературы нового периода»). Для авторов этих течений события десятилетней смуты «культурной революции» были отправной точкой размышлений, поисков причин произошедшего, философских раздумий. Если «литература шрамов» просто разоблачала злодеяния прошлого, «литература дум о прошедшем» пыталась преодолеть негативные последствия этого прошлого, показать проблемы, с которыми сталкивались и представители реабилитированной интеллигенции, и бывшие высокопоставленные партийные работники, и простые крестьяне. Из творчества этого периода два рассказа Хань Шаогун переведены на русский: «Гляжу на заросли тростника» («Встреча в Ланьчжоу: Китайские писатели о молодежи. М., 1987 г.) и «Юэлань» (Современная китайская проза. М., 1988 г.).

Наряду с этим в середине 80-х гг. XX века в Китае происходят существенные перемены в литературной жизни. Резко вы-

росло количество публикаций – только с 1977 по 1981 гг. в Китае было опубликовано 20 тысяч рассказов, 700 повестей, около 400 романов. С одной стороны, стремление преодолеть царивший ранее нигилизм по отношению к мировому и национальному художественному наследию привело к переизданию китайской классики и огромного количества переводов. Большой резонанс в среде китайской интеллигенции вызвали переводы произведений Ф. Кафки, Х.Л. Борхеса, Дж. Джойса, У. Фолкнера, Я. Кавабаты, Ч. Айтматова, В. Астафьева и Г. Гарсиа Маркеса.

С другой стороны, происходит всплеск интереса к традиционной китайской культуре. Появилось такое течение, как «литература поиска корней». Собственно, именно название статьи Хань Шаогун «Корни литературы» (1985 г.) дало имя новому направлению. Представители этого течения заговорили об эрозии традиционной китайской культуры в XX веке и необходимости обратиться к истокам, культурным «корням» нации. Действие многих произведений литературы «поиска корней» происходит в деревне. Проза этих авторов отошла от реализ-